

Don't leave a fox to guard the chickens; Что посеешь, то и пожнешь – You reap what you sow; Худое колесо громче скрипит – The squeaky wheel gets the oil; Эш буре түгел - теішләмәс- работа не волк- не съест и пр.

Рассмотрев особенности русских и английских пословиц на семантическом уровне, приходим к выводу о взаимопроникновении культур. Но при одинаковой структурной организации и лексическом наполнении пословицы русского и английского языка могут отличаться. Так, при одинаковом отрицательном отношении к лени, глупости, лжи. Русские и англичане по-разному относятся к деньгам; хотя мнения этих двух народов сходятся в отношении ко времени и к жизни, смерти, к свободе, Богу, человеку. На это повлияла в первую очередь история стран, религия.

Семантическая характеристика русских и английских пословиц отражает типичные черты менталитета. Для русского народа таковыми являются: оптимизм, свободолюбие, религиозность, трудолюбие, отзывчивость, терпение, стойкость, мудрость и доброта, а для англичан – это религиозность, законопослушность, понимание, сдержанность, трудолюбие, индивидуализм, скромность и мудрость.

ИДЕЯ НЕЗАВИСИМОСТИ В МИФОЛОГИИ И УСТНОМ НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ КАЗАХСТАНА

Куанышбай Н.Б.

Центрально-Азиатский университет, Алматы, Казахстан

Устно народное творчество казахов, уходящее своими корнями в глубокую древность, этническую историю, представлено героическими сказаниями, лирико-эпическими поэмами, преданиями, легендами, созданными преимущественно на основе пережитых народом исторических событий. Единение народа – главная цель всех героически сказаний. Освещая данный вопрос Л. Емельяно, писала следующее: «М имеет виду проблему историзма, прежде всего то ее аспект, который предусматривает изучение отношения фольклора реальной действительности, конкретным событиям фактам истории».[1] При всем при том героическому эпосу нетрудно обнаружить след этнической истории, которые должны быть изучены в позиции историзма наук, ибо самосознание эпоса определяет именно этнический процесс. Этническая основа казахского эпоса очевидна. Например, «Книга моего деда Коркута», «Алпамыс», «Кобланды» – сказания против иноземных захватчиков отдельных тюрокызычных племен: огузов, коньратов, кара кипчаков.

Самый древний пласт казахского героического эпоса относится к VIII-X вв. Это была эпоха, когда начался распад патриархально-родовых отношений и постепенно вызревание патриархально-феодального уклада. С этой эпохой связан эпос об Алпамысе. После завоевания Чингисханом земель, принадлежавших родом кипчаков, канглы и др., сыновья Чингисхана включили их в свои владения. Но завоеванные племена не подчинились чингизидам, не раз восставали они против Золотой Орды. Эти события также нашли отражение в эпосе.

Когда в XV-XVI веках ослабленная междоусобицами Золотая Орда распалась, возникла угроза завоевания от соседней Джунгарии. В начале XVII века джунгары напали на казахские аулы, захватывая их территории. Поэтому, эпоха героической борьбы с джунгарами и калмыками – время окончательного сложения героического эпоса. Именно к ней приурочено действие большинства казахских эпических произведений, в том числе и тех, которые возникли раньше. К числу которых относятся произведения

«Карабеке», «Утеген-батыр» и других произведений, где разрабатывается утвердившаяся тема объединения племен для защиты от калмыко-джунгарских нападений. Такая группировка редких по происхождению песен вокруг событий одной эпохи обычна для эпоса: историческая жизнь показана в эпосе обобщенно.

Каждая эпоха, отражая исторические события, выдвигала на арену ярчайших личностей. Кабанбай, Богембай, Жасыбай, Исатай и многие другие батыры являются гордостью казахского народа. Эпическая поэма «Кобланды-батыр» повествует о подвигах Кобланды, о его походах против ханов Казана и Алшагира. Исследователи приблизительно определяют, что эпос «Кобланды-батыр» распространен в двух вариантах – древнем, сложившемся в далеком прошлом, и позднем, существенно дополненном многими явлениями, фактами, связанными примерно с XV веком – с эпохой консолидации сил раздробленных родов, племен и возникновения Казахского ханства.

Смысл жизни Кобланды – в битвах и победах над уничтожителями кипчаков и киятов. Кобланды не страшится численностью перевеса врагов, смело бросается в битву с тысячами захватчиков, топчущих его родную землю. Гнев Кобланды обрушивается на чужеземных властителей, посылавших свои отряды на кипчацкие аулы. Он стремится разрушить укрепления врага, отбить скот кипчаков и киятов, захваченный калмыками и кызылбашами. Так Кобланды поступает в походе на Казан хана. Таков же смысл его борьбы с Алшагыром. Кобланды становится во главе пленных кипчаков, чтобы освободить их:

Пусть готовятся люди к борьбе,
Пусть кипчаки в густом лесу
По дубинке срубят себе –
Я народ из неволи спасу.

Борьба Кобланды против завоевателей – это не выступление одиночки, а народная борьба. За батыром идут все кипчаки, от юноши до старика, даже женщины и дети. Борясь за свободу и честь народа, Кобланды защищает и честь своей семьи: Карлыгаш, Кортки, Аналык и Токтарбая, поработанных Алшагыром. Личное и общественное сливается у Кобланды воедино.

Герой эпоса является идеалом борца за независимость, заступника. Преданность к родным и соратникам сочетается у Кобланды с ненавистью к врагу:

Кызылбашей счастливую рать
Кобланды заставил бежать.
Он рассек её пополам.
Удивляйтесь его делам!

Тяжелый ратный труд батыра венчается победой, а победа несет независимость, освобождение, мир его народу:

Посмотрел Кобланды – светло,
Победителю счастье возшло.
Выходил, шумя, из ворот
На свободу кипчацкий народ.

Таким образом, изображение исторического прошлого в эпосе о Кобланды озарено патриотическими чаяниями народа, его героическими идеалами и несет высокую идею национального освобождения.

В своей многосложной истории казахскому народу приходилось вести постоянную борьбу за сохранение и развитие национального достоинства, за

независимость, за государственность, за единство в условиях межродовых усобиц и феодально-колониального гнета, защищать родную землю от нападения иноземных захватчиков. По определению В. Проппа, литература – показатель индивидуального, а фольклор – коллективного сознания. Следовательно, героические эпосы это не только художественный образец, но они просматриваются в научных изысканиях таких виднейших ученых, как Н.Авдеев, Ю.Бромлей, М.Варварчук, А.Гуриевич, как сложный исторический источник. Я солидарна с мнением Л.Толстовой о том, что «негативизм по отношению к использованию фольклора в качестве исторического источника (нередко проявляемый, прежде всего фольклористами) объединяет возможности восстановления этногенеза и этнической истории». [2], Поэтому фольклор казахов, его устное народное творчество выражает думы и чаяния народа, его стремление к ограждению себе от завоевания, к независимости. И то, что в данный момент в рукописном фонде Академии наук Казахстана находится сто семнадцать героических эпосов из ста шестидесяти пяти эпосов и поэм эпических жанров свидетельствует этому. В целом героические эпосы глубоко патриотичны в своем содержании, поэтичны в изложении, пронизаны призывом к стойкости духа, настойчивости, упорству во имя достижения поставленной цели, независимости, единству.

Научный руководитель - Балтабаева Г.С., д.ф.н.

Список литературы

1. Емельянов Л.И. О границах метода и «единицах историзма». Русский фольклор XIX в. Л., 1979, с.113.
2. Толстова Л.С. Использование фольклора при изучении этногенеза и этнокультурных связей народов. Фольклор и историческая этнография. М., 1993, с.8

ХРОНОТОП РОМАНА Д. ГЛУХОВСКОГО «МЕТРО 2033»

Ловицкий Н.

Костанайский филиал Челябинского государственного университета, Костанай, Россия

Роман Д. Глуховского «Метро 2033» – небольшое по объему произведение, актуально уже потому, что оно появилось в сегодняшней литературе. Обратившись к роману «Метро 2033» Д. Глуховского, мы заинтересовались вопросом особенности создания единства места, времени и действия в романе, который уникален по своей задумке. До Д. Глуховского никто не предпринимал попыток создания фантастического произведения антиутопического характера на примере московского метрополитена как оплота человечества при ядерном апокалипсисе. Серьезный прорыв в изучении и истолковании современного антиутопического направления в русской литературе был осуществлен в трудах Б.А. Ланина, Ю.М. Лотмана, Д.С. Лихачева, В. Курицина. В последней трети XX в. вышли в свет важные для анализа рассматриваемых вопросов работы историков Б.А. Рыбакова, И.С. Свенцицкой, Е.М. Штаерман, Б.А. Успенского.

Когда-то давно московское метро задумывалось как гигантское бомбоубежище, способное спасти десятки тысяч жизней. Мир стоял на пороге гибели, но тогда ее удалось отсрочить. Дорога, по которой идет человечество, вьется, как спираль, и однажды оно снова окажется на краю пропасти. Когда мир будет рушиться, метро окажется последним пристанищем человека перед тем, как он канет в ничто [1].

В произведении Д. Глуховского прослеживается оппозиция «центр – периферия». В «Метро 2033» мы наблюдаем двойную оппозицию: в подземном мире

Ганза (центр) противопоставлен остальной части метро (фактически провинции). Кроме того, «подземная тема», имеющая длинную историю в мировой литературе реализуется у Д. Глуховского через корреляцию наземного и подземного топосов. Такая метафоризация пространства служит символическому соотношению реальной Москвы и вымышленного писателем государства [1, с.23].

У обитателей метро в романе Д. Глуховского имеется своя собственная история, сатирически копирующая сценарии прошлого России. Традиционный жанрообразующий признак антиутопии – замкнутость пространства – трансформируется в произведениях 2000-х годов в «кольцевое» пространство. При этом время также приобретает цикличность, вписываясь в общую «кольцевую» концепцию пространства и времени.

В «Метро 2033» главный герой Артем движется по кругу, не выходя за пределы Кольцевой линии и точно так же по кругу идет история, после Третьей мировой войны повторяющая сценарии прошлого. Это повторение выражается в наименованиях мини-государств (Ганза вызывает ассоциации со средневековьем, а на Комсомольской возрождаются идеи коммунизма), возвращении предрассудков прошлого, отношении главного героя к символам власти, мировой истории [1, с.44].

Д. Глуховский выстраивает в своих антиутопиях преимущественно деградативную модель общества. Мир прошлого становится в «Метро 2033» синонимом «золотого века», свободным от опасностей и трудностей. Россия предстает как «заколдованное место», в котором нет истории. Люди стремятся к «консервации», панически боясь каких-либо перемен. Д. Глуховский особенно отчетливо показывает пропасть между прошлым человечества и тем настоящим, к которому оно пришло. Будущего нет у обоих миров.

В антиутопии Д. Глуховского пространство одушевлено, наделено качествами живого существа, которое непредсказуемо. Аморфность границ внутри замкнутого кольцевого пространства создает атмосферу неопределенности, зыбкости человеческого существования в его пределах.

В «Метро 2033» одушевлен образ метро посредством такой же игры, топосами, а также с помощью эпитетов (его называют «каменной утробой мегаполиса» «гигантским кишечником неизвестного чудовища», «человеческим организмом» и т.п.). Пространство подземелья то сужается, то расширяется, создавая иллюзию того, что оно живет своей жизнью, словно огромный организм. Гетерохронность выражается в «черных дырах», в которых совершенно отличные от нормальных временные характеристики. В целом метро похоже на огромный улей, в котором соединяются самые разные временные отрезки развития человечества: от первобытного состояния заброшенных станций до высокоразвитой цивилизации Полиса. «Верхний мир» также представлен в романе как иллюзия, как нечто изменчивое и непостоянное [3, с.78].

Сказочное начало, обыгрываемое в этих текстах, не несет с собой обретения целостности, а лишь подчеркивает нестабильность мира-катастрофы, в котором живут герои. Аморфность пространства и дискретность времени – признак совершенно новый для антиутопии.

Общим пространственным образом пути романа Д. Глуховского является метро. У Д. Глуховского пространство поезда представлено как промежуточное. Поезд, стремительно несущийся по кругу – железной